

Евгений Боткин

**Свет и тени русско-японской
войны 1904-5 гг.**

Евгений Сергеевич Боткин

Свет и тени русско- японской войны 1904-5 гг.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8650356

Аннотация

«Мы едем весело и удобно. Все едут за одним делом; все военные совершенно покойно настроены; нет никакого разговора о возможных опасностях, все даже веселы, и большинство рвется на войну. По мере приближения в Сибири, становится все теплее. На станциях я выхожу иногда в одной тужурке, в башлыке и папахе. Сейчас здесь, в Челябинске, 9° мороза, воздух чудный, дорога прекрасная, солнце светит, и лошадка летела стрелой. Интересно было посмотреть этот маленький городок, в котором однако все можно найти...»

Содержание

I. В пути	4
II. В Харбине	11
III. В Ляояне	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Евгений Боткин

Свет и тени русско-японской войны 1904-5 гг.

Из писем к жене д-ра Евг. С. Боткина

І. В пути

18-ое февраля 1904 г.

Мы едем весело и удобно. Все едут за одним делом; все военные совершенно покойно настроены; нет никакого разговора о возможных опасностях, все даже веселы, и большинство рвется на войну.

По мере приближения в Сибири, становится все теплее. На станциях я выхожу иногда в одной тужурке, в башлыке и папахе. Сейчас здесь, в Челябинске, 9° мороза, воздух чудный, дорога прекрасная, солнце светит, и лошадка летела стрелой. Интересно было посмотреть этот маленький городок, в котором однако все можно найти.

Преобладающее ощущение – будто со старой жизнью у меня все порвано, и я начал новую; будто все, что было, оста-

лось в прошлом, или было только сном, – что нет у меня ни семьи, ни «Общины», ни старых друзей, и что предстоит что-то новое, неведомое. Конечно, это чувство объясняется только полной отрезанностью от вас, отсутствием всяких о вас известий – и несомненно только временное; но не один я испытываю его, а также и капитан К., оставивший жену и пять человек детей, причем младшему год с небольшим. Первые дни он очень грустил, особенно по утрам, а добрейший капитан Л., холостяк, помещающийся в одном с ним купэ, участливо спрашивал его:

– Чем бы мне развлечь вас, голубчик?

Генерал Р. обедает за нашим «красно-крестным» столом и ко всем нам относится удивительно мило. Ложась раньше всех, он первый и встает, и, зная, что предоставленные себе, мы рискуем проспать даже обед, будит нас, предупреждая о больших станциях.

– Доктор, извольте приказать себе встать! – разбудил он сегодня меня: – Через полчаса Каинск, и мы стоим там 35 минут.

Днем он сегодня над картой Маньчжурии обсуждал различные возможности нападения японцев, и это было интересно. К нам присоединился еще один офицер, очень хорошо знающий китайцев и их язык; сегодня я учился у него этому языку и с интересом слушал его рассказы. «Ига, линга, санга, сыга, уга, люга, чига, пага, дзюга, шига» значит: 1, 2, 3... 10. Встречаясь с новым человеком, китаец спрашивает

его: «Как твое дорогое имя?», потом, вместо приветствия, спрашивает: «Кушал ты или не кушал?» Отвечаешь: «Кушал», т.е.: «ги фан ля». Потом задает вопрос: «Сколько прекрасных солнц и лун заключает в себе твоя семья?», на что полагается отвечать: «Грязных поросят у меня столько-то» (число детей) и т. д. Чем возвышеннее и любезнее его вопрос, тем униженнее должен быть ответ.

В Каинске встретили мы скорый поезд, в котором уезжали женщины и дети. На площадке одного вагона мы увидели милого мальчугана шести лет, с которым разговорились.

– Как тебя зовут?

– Адя.

– Значит, Аркадий?

– Да нет, Адя!

– Да коротко что-то.

– Ну, Андрей Сергеевич.

– А фамилия?

– Гонзин.

– Откуда едешь?

– Из Порт-Артура.

– Бомбардировку видел?

– Видел.

– Не страшно было?

– Не-ет.

– Даже забавно было?

– Да, забавно.

– Что же, ты проснулся от шума?

– Да нет, ведь они и утром продолжали.

– В близко упала бомба?

– Нет, они падали в старом городе, который на берегу, а мы жили в новом, который подальше.

Славный мальчик Адя. Когда поезд тронулся, он мне ласково кивал с платформы, и я еще раз пожал его лапку. Видимо, и на взрослых бомбардировка не произвела особого впечатления.

Наше время все больше и больше рознится от вашего: вчера уже мы опередили вас почти на три часа.

21-ое февраля 1904 г.

Сегодня ночью приезжаем в Иркутск, где я и опущу, вероятно, это письмо. Простоим там, кажется, часов пять с половиною, и в этом чудном поезде к 9 ч. утра будем подвезены к Байкалу. Это огромное удобство, которое вам выхлопотал милейший Вас. Вас. Уф, начальник поезда, всю дорогу вас всячески оберегавший и опекавший.

Третий день равнина сменилась умеренными возвышенностями с очень недурным сосновым и, отчасти, березовым лесом, но местные жители ничего этого не снимают, увлекаясь своими зданиями. В настоящее время мы едем по району богатых угольных залежей, здесь же – родина нефрита и графита. Знаменитый Alibert имел здесь большое дело и роскошный дворец, но однажды уехал – и более, говорят, не

возвращался. Что с ним случилось – здесь никто не знает.

24-ое февраля 1904 г.

Только вчера телеграфировал тебе о переезде через Байкал, так как в Танхое, куда привезли вас, телеграфа нет, и мы ушли оттуда уже поздно, в первом часу ночи. Самый переезд был удивительно приятен. Мы ехали в больших кошевах по-двое, где обыкновенно едут втроем, и было удобно до чрезвычайности. Я надел на рубашку шерстяную фуфайку, затем жилет, тужурку, летнее пальто, башлык на шею, папаху, доху, рукавицы, а на ноги – бурочные сапоги и валенки. Во всем этом я едва дышал – так было жарко. Погода мягкая, кругом по горизонту величественные горы, окружающие громадную площадь снега, прорезанную тут и там вагонами; они идут по рельсам, но помощью саней, которые везут две лошади. Нужно признаться, что везут они очень тихо, и никто, как будто, за ними не наблюдает. Нашего кучера, бурята, пятнадцатилетнего Ивана, подгонять не приходилось и, несмотря на чихлость своих трех лошадок, он совсем незаметно промчал нас до станции «Середина», стоящей на 25-ой версте по середине озера. Дорогой я сладко дремал, и когда открывал глаза, мне казалось, что я вяжу чудную северную сказку. Станция середина – большой деревянный барак, снутри обитый войлоком и отлично отопленный. По стенам стоят длинные столы и скамейки. Закуска предлагается даром.

Здесь мы встретили ряд обитателей Владивостока, покинувших его еще до бомбардировки. Между прочим, ехали две сестры, с одной из которых было семь человек детей; старший гимназист, а младшему – три недели, и мать сама его кормит. Мало того, они везут еще с собой четырехмесячного щеночка, который еще меньше, чем самый младший член семьи. Едут они очень благополучно. Такие семьи рассаживаются в кошевах иначе, чем мы, не на сиденье, а прямо на дно её, так что за её высокой спинкой они должны быть очень хорошо защищены от ветра.

Оставшиеся двадцать-две версты пролетели еще незаметнее; мы обгоняли войска, не иззябшие, а шедшие, бодро и весело. Ближе к берегу, в пристани Танхой, мы стали встречать обозы Красного Креста, сперва Евгениевской Общины, а потом и нашей, Георгиевской.

Следующие два дня, как я уже писал, прошли значительно вялее, но о голоде, все-таки, и речи быть не могло, так как каждый день были станции с недурными буфетами для завтраков и обедов. Поезд стоял всегда достаточно, чтобы все могли насытиться, и цены совсем обычные, но каждую порцию приходилось добывать с боя, с постоянным риском или облить кого-нибудь щами, или самому быть облитым. «Услужающие» проявляли чудеса своего искусства: только-что ты уберешься от фазана, который пронесли над твоей головой, ты чувствуешь, что кто-то толкает тебя в ноги, и замечаешь, что между ними мальчишка пронесит тарелку супа.

Сегодня утром приехали мы в Маньчжурию.

II. В Харбине

1 марта 1904 г.

Итак, с невероятной быстротой мы долетели вчера до Харбина. Осталось самое светлое воспоминание обо всем путешествии и обо всех спутниках.

В Харбин мы приехали – как к себе домой. На вокзале вас встретили знакомые врачи и студенты. Александровского и меня повез к себе доктор Ф. А. Ясенский, старый приятель Александровского. Мы сразу попали в уютную, теплую, благоустроенную квартирку старого холостяка и очень милого и гостеприимного человека. Поболтав до трех часов утра за кипящим самоваром, я улегся в кабинете, который уступил мне любезный хозяин.

Утром всей компанией Красного Креста ездили смотреть дома, намеченные для вашего управления и «сестер», и затем все поехали с визитами в здешним властям; я же, не имея еще мундира, отщепился, когда ехали мимо хорошего парикмахера-француза. У него отличное atelier с громадным трюмо на пять кресел, выписанным из Парижа, в самом современном стиле. И это где же? – в Харбине! Пока я стригся, пришли два призванные из запаса, косматые и грязные, и пока одного стригли, другой его подзадоривал и говорил:

– Остригите его машинкой! обрейте ему усы!

– Валяй, брей мне усы!

– Не надо, – говорит француз.

– Прошу тебя, брей, – трудно что-ли?

И вышел он актер-актером.

6-го марта 1904 г.

Сегодня председательница местного комитета Красного Креста, К. А. Хорват, устраивала Красному Кресту дневной спектакль в китайском театре Николая Ивановича Ти-фун-тая. С китайским театром я познакомился вчера вечером, побывав вместе с друзьями даже в двух театрах в один вечер. Это – большие деревянные сараи с партером и ложами в верхнем коридоре. Нижний составляет что-то вроде мест за колоннами. Мы получили лучшие места в одной из лож против сцены, и это стоило нам по 60 коп.

Партер уставлен маленькими четырехугольными столиками, за которыми сидят грязные и неблаговонные китайцы. На столиках, также как и на деревянных перилах лож, стоят чашки, покрытые блюдечками, с насыпанным уже чаем. Чай этот заливается кипятком, долго не настаивается, остается мутным и сильно пахнет пылью. Во все время представления посетителей обносят сладостями (за деньги) и между прочим обсахаренными китайскими (райскими) яблочками на тоненьких палочках. Мы пробовали только их и остались ими очень довольны. Китайцы все время едят и пьют; по временам в партере поднимается пар – это принесли темно-серые, повидимому, до крайности грязные, смоченные в

кипятке салфетки, которые и раздаются публике. Китаец обтирает себе салфеткой руки, потом губы, потом лицо и иногда перекидывает салфетку другому. Затем салфетки отбираются, снова свачиваются и через некоторое время опять приносятся.

На сцене происходит совершенно непонятная кутерьма; люди входят и выходят все в красивых китайских костюмах и отчаянно выкрикивают и вывизгивают свои роли; актерам и актрисам, которым особенно много приходится кричать и визжать, подносят тоже время от времени чай. Лицедеям приходится действительно сильно надрывать голос, так как они должны все время покрывать неустанно действующую музыку. Оркестр в этих театрах – несложный: один играет на инструменте, подобном скрипке, но с одной струной; другой бьет, когда нужно, в барабан, третий – в тарелку и кастаньеты, четвертый – в гонг, а пятый весь вечер неутомимо колотит двумя деревянными палочками по какой-то деревянной наковальне. Вся эта какофония не имеет большею частью никакого мотива и, смотря по действию, то становится чуть-чуть потише, то бьет во всю. Изредка раздается рожок или род флейты. Артисты кричат и визжат в унисон с оркестром, так что долго выдержать эту музыку совершенно невозможно. Китайцы же смотрят с большим вниманием целыми часами подряд и иногда выражают свое одобрение громким рыком: «хау, хау», что значит – хорошо. Недурно выходят различные декоративные сцены и группы, да комики игра-

ют с выразительностью, причем у них нос и округлость глаз непременно вымазаны белым. Актрисы страшно наруганы, даже ладони намазаны красным, а мужчины почти все с привязными бородами, покрывающими и рот. Но часто женщины играют мужские роли, а юноши – женские. Декораций не было никаких, и все изображалось жестами: когда должна была выйти чудная китаянка, комик сделал движение, будто поднимает ворота и потом опустил их за нею; когда хотели изобразить, что поехали верхом, взяли какие-то палочки и помахивали ими; когда поплыли по воде, взяли весло и гребли по воздуху. Совсем – игры нашей детворы. Иногда эта передача действия переходит в большой реализм.

Сегодня мы все сидели в партере за длинными столами: театр был устлан коврами. Тем не менее, и несмотря на пальто, ноги у нас замерзли, я прозяб и, будучи не в состоянии выносить музыкального шума, готов был уйти, – когда прислуживавшие нам китайские полицейские стали расставлять бокалы, рюмки, затем раскладывать вилки, наконец, ножи. У меня был аппетит, и я остался. На больших деревянных подносах принесли закуску, уже разложенную на блюдечки. На каждом из них лежало четыре сорта закуски, а всего их было семь, причем все было нарезано маленькими кусочками: кроме омара (с кислым и сильным запахом), ветчины, курицы, какой-то копченой рыбы, – здесь была прессованная икра (очень вкусная), семилетняя куриные яйца, консервированные в извести, с темнозеленым слоистым желтком и

темнокоричневым студенистым белком (тоже вкусные), маринованный бамбук (недурно) и отвратительная морская капуста, какие-то студенистые червячки. Когда было замечено, что закуски кончают, принесли еще по блюдечку. После этого в чашках подали суп из ласточкиных гнезд; это оказался прекрасный куриный бульон, с густой, как войлок, студенистой вермишелью, – это-то и были вываренные ласточкины гнезда, – по мне невкусные, но Ш. и их съел до тла и еще другую порцию взял у «сестры»; я тоже с удовольствием выпил бульон из чашки соседа, которого чуть не стошнило при одной мысли, что это – ласточкины гнезда.

После этого, ваши «сестры» поднялись, и все стали расходиться. Все это угощение было приготовлено здешним китайским генералом Джоман, который принимал гостей вместе со своей женой. Были и другие важные китайки, все очень старательно причесанные, с цветами и разными украшениями в волосах. Каждую из них вводила в зал её служанка, при приезде их обе двери открывались настежь, и генерал звал свою жену, которая шла гостям на встречу.

Приветствуют китайцы друг друга без больших церемоний, а складывают руки лодочкой и немного потряхивают ими по воздуху; чем больше уважения заслуживает та, которую приветствуют, тем ниже опускаются руки; девушки и дети при этом еще приседают и, чем они моложе, тем ниже. Некоторые гости пришли с совсем маленькими и очень миленькими, притом красиво одетыми китайчатами, с кото-

рыми обращались с большой нежностью. Уходя, я заметил, как одну из этих деток кормили ласточкиными гнездами, «вправляя» ей в рот, по меткому выражению одной из «сестер», эту вермишель серебряной палочкой. Накануне я видел, как одной из актрис, сидевшей в боковой ложе, принесли грудного китайченка; она нежно завернула его в свой халат, целовала и передала затем сидевшей с ней рядом женщине, которая тут же и покормила его грудью. В общем китайцы имеют добродушный вид, некоторые даже недурны собой; к нам относятся с благодушием, но кто знает, что у них в действительности в душе?!

13-ое марта 1904 г.

Харбин стал препорядочным городом. Он раскинут на большом пространстве и делится на три части. Так-называемый Новый Харбин вырос, разумеется, около железно-дорожного пути, так как для него только и существует. Не будь войны и войск, для которых он служит большой стоянкой, он бы производил впечатление совершенно лишнего. Новый город состоит из ряда нисеньких домиков, выстроенных из красного кирпича, похожих друг на друга, как родные братья. Про них остроумно сказал капитан Л., оглядывая их ряды: «Вот, сколько домов, а если собрать всех обитателей их, то можно всех поместить в одном пяти-этажном доме, и тогда это был бы не город, а только дом». Дома эти так между собою схожи, что трудно найти свой. А. никак до сих пор

не может узнать дом, в котором гостит у Я. Третьего дня, он вечером заехал в общежитие Красного Креста, чтобы его оттуда проводили; взялся один из врачей и запутался окончательно. Много и мне пришлось поплутать, пока не огляделся. Дома все казенные и потому под номерами, но номера ставятся не по порядку расположения, а по порядку постройки, – поэтому № 91 оказывается между №№ 475 и 830. Извозчики улиц совершенно не знают, так как все приехали вместе со своими развалистыми дрожками и упряжью с пристяжкой из Одессы: все местные извозчики призваны, как запасные. За Новым Харбином в 4–5 верстах находится старый Харбин, с китайскими фанзами, окруженными заборами из прессованного навоза с глиной. В старом Харбине помещается и управление пограничной стражи, и, между прочим, была устроена отличная школа-приют, в которой были размещены наши «сестры», так как школа, за выездом многих семей, превратила свои действия. Помещены были там сестры отлично, и вообще школка оборудована премило, и детишки, которых мы там застали (три мальчугана) были очень симпатичные.

Третья часть города – за железнодорожным путем – называется пристанью. Это – торговая часть города с улицами, полными китайских лавок и больших русских магазинов, где можно достать все, что нужно.

В Новом Харбине Красным Крестом нанят большой трехэтажный дом, построенный китайцем Вынь-ха-вынем, по по-

просту прозванным у нас Вей-ха-веем. Здесь помещается управление главноуполномоченного, будем жить все мы и «сестры». Фельдшерскую школу в Харбине отдали нам под склад, а большие казармы барачной системы – под госпиталь. В каждом таком бараке могут помещаться по двести человек, и таких у нас будет шесть или семь. Теперь идет там ремонт, приспособление – с быстротой просто лихорадочной.

С. В. Александровский – по истине молодчина: энергичный, находчивый, распорядительный, сообразительный и с большим тактом. Он несомненно умный человек и делающий свое дело, ради дела, ничего из него не извлекая. Он – большой мастер узнавать людей, быстро раскусывает их и очень объективно их расценивает. Благодаря этому, он умеет обставить себя людьми и умеет ими пользоваться. Он может быть вспыльчив, но, повидимому, снисходителен к тому, что вне сил данного субъекта, и не прощает только нерадивости и недобросовестности.

Скажи от меня Мимуле, что диких людей я не видал, но что, все-таки, китайские «ходи», как зовут здесь всех простых китайцев (по ихнему же), особенно нищие, в невообразимых отрешках, достаточно дикобразны, и нужен неисчерпаемый запас любви и нежности русской души, чтобы не только говорить: «бедный ходя!», как вчера ласково называл один из истопников китайца, грузившего ночью наш поезд, – но даже «ходюшка».

III. В Ляояне

22 марта 1904 г.

...Я очень спешил с открытием 1-го Георгиевского госпиталя и не спешить не мог, так как Александровский бомбардировал меня ежедневными телеграммами на эту тему, а военно-медицинский инспектор умолял скорее немного освободить переполненный военный госпиталь.

Усадьба инженера Шидловского, Паю-Верн, которую мы здесь занимаем, пресимпатичный и преуютный уголок, который летом будет, вероятно, обворожительно мил и красив, да и теперь даже красив. В нем два двора; внутренний отделен живописными воротами; на дворах стоит несколько столбов с собаками, которые должны изображать львов – одну из любимых форм воплощения Будды. Во внутреннем дворе, в глубине – флигель для офицеров с внутренними болезнями; за ним – отдельный для них садик; налево покоеобразное здание (вчера открытое) хирургическое отделение; направо – домик сестер (с большим балконом) и аптека. В первом дворе направо – терапевтический флигель (тоже еще отделяется), а налево – ваш домик, окруженный садиком. Еще ближе в воротам (внешним) с правой стороны – кухня, склад провизии и домик для китайцев, у нас служащих, с левой – домик в три окошечка, где амбулатория, а между ним и нашим домиком – флигель для студентов и гостей. За ря-

дом зданий правой стороны – бараки, в которых помещаются склады, санитары и наша общая большая столовая; наконец, ледники, закрома, конюшня, стойла и т. д. Вся усадьба обнесена высоким забором, от которого вглубь еще идут в немалом количестве перегородки. Это обширное хозяйство сторожит караул, так что можешь быть за нас совершенно спокойна.

Здесь настоящая весна, воздух чудный. Ведь Ляоян – на широте Неаполя.

18 апреля 1904 года.

...Встаем мы рано: около восьми часов утра по всей усадьбе раздается гонг, при звуке которого В. В. А., когда в духе, начинает петь «Славься», что выходит очень забавно.

Он быстро вскакивает с постели и начинает умываться. В время в соседней комнате раздается веселое пение Ш., на свистывание и разговоры В. В. А. Я выкуриваю папиросу, чтобы проснуться, и тоже встаю. Теплый весенний воздух оживляет меня, и я с неизменным удовольствием наблюдаю типичные утренние сцены. Чай дается только до 9½ часов утра. Сейчас же начинаются бесконечные переговоры с С. В. Александровским, писание телеграмм, распределение отрядов и проч., ежедневно прерываемые разными лицами с самыми разнообразными вопросами. Днем после обеда (в 1½ ч.) продолжается то же, но к помехам присоединяются частые посетители, иногда несомненно интересные; в 8½ ч. –

ужин, телеграммы и сон. В промежутках забегаешь в больницу, что удастся далеко не каждый день, бегаешь по построикам, подгоняешь работу. По вечерам нередко беседуем с Д., который все жалуется на то, что его госпитальные запасы лекарств, консервов и проч. расхищают. (Приходится снабжать и войска, и наши же отряды).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.